

1

— Вот это загар! Класс! — Люба, не отрываясь, восхищенно гладела на Женю. — Везет же некоторым! А ты, сколько ни натираешься всякими кремами, ни торчишь на солнце, все равно остаешься бледной поганкой.

Женя посмотрела на подругу с улыбкой. Люба была блондинкой с медным отливом и, как большинство рыжеволосых людей, имела молочно-белую кожу, которая под воздействием ультрафиолета в худшем случае моментально сторала, а в лучшем просто покрывалась россыпью золотистых веснушек. В отличие от нее, смуглянка Женя загорала замечательно: ровно, красиво, без ожогов и красноты, при этом практически не используя никакой пляжной косметики.

— Что ж ты хочешь, это Евпатория, — попыталась она утешить Любу, но та лишь досадливо отмахнулась:

— Да что мне твоя Евпатория! Я тоже не в Антарктиде была, а в Египте, и вот, полюбуйся! — Люба вытянула перед ее носом подернутые нежным пушком девственно белые руки. — Смотреть противно, сметана, да и только.

— Не расстраивайся. Лучше расскажи, как ты отдохнула в своей Хургаде.

Люба оживилась и открыла было рот, но в это время к остановке, на которой стояли девушки, подъехал трамвай. Вагон оказался набитым до отказа. Любе и Жене пришлось поработать локтями, чтобы попасть внутрь. В салоне стояла жуткая духота. Путь подругам предстоял неблизкий, поэтому они потихоньку протиснулись подальше от дверей, к раскрытому окошку.

— Боже, так и задохнуться недолго. — Люба достала из сумочки крепко надушенный платочек и принялась энергично обмахивать разгоряченное лицо. — Так о чем я? Ах да, о Хургаде. Было классно. Отель пять звездочек, все включено, рядом бассейн, внизу ресторан, бильярдная, танцзал. Дискотеки всю ночь напролет, до самого утра. Я там познакомилась с обалденными парнями: двое голландцев и один турок.

— Турок? В Египте? — Женя весело рассмеялась.

— Да, турок! Хорошенький, просто загляденье, глаза огромные, черные. А ревнивый, жуть! Тарканчиком его звали. Такая у нас с ним любовь была, закачаешься! Потом, правда, он уехал.

— Куда?

— В Стамбул. Невеста там у него. Их родители в пять лет обручили, послушаться нельзя — проклянут. — Люба горестно вздохнула и тут же задорно расхохоталась. — Вот так и отдыхала, Женюрочка. Теперь твой черед, рассказывай!

— Да что рассказывать? — Женя пожалала плечами, придвигаясь ближе к окну, из которого неслась заветная прохлада. — У меня все гораздо более прозаично. Жила у тетки. Ее дом в ста метрах от моря. Жара там страшная, в шесть утра солнце уже вовсю шпарит. Спать невозможно, приходилось вставать. На завтрак абрикосы в саду собирала или черешню. Намою, положу в банку — и на пляж. Там в такую рань благодать, нет никого.

— Так это ж скука смертная, когда никого, — встряла Люба.

— Наоборот, — возразила Женя. — Не люблю, когда кругом суета. Да и море с утра чистое, в воду заходить одно удовольствие. Я часок-другой поплаваю — и назад, к тетке. Возьму конспекты, учебники и засяду с ними в беседке, там тень, прохлада. До обеда не заметишь, как время пролетит.

Люба глянула на Женю, как на тяжелобольную, и покрутила пальцем у виска.

— Ты что, на юг учебники брала?

Та невозмутимо кивнула.

— И учебники, и прошлогодние рефераты. Не забывай, что нам предстоит диплом. Ты, кстати, выбрала тему?

— Еще чего! — Люба презрительно наморщила аккуратный носик. — На отдыхе голову всякой ерундой забивать! Мне было не до этого. И вообще...

Женя слушала подругу спокойно, слегка прищутив зеленовато-карие глаза. Дождалась, пока та закончит, тряхнула головой, откидывая роскошную гриву блестящих темных волос, и произнесла задумчиво, но в то же время твердо:

— Это ты найдешь.

— А ты? — встрепенулась Люба.

— А я и искать не буду. У меня другие планы.

— Какие? — ревниво поинтересовалась та.

— Остаться на кафедре. Начать работу над кандидатской.

А там видно будет.

Люба хотела было что-то возразить, но передумала. Ее оставил веский и решительный тон подруги. В глубине души она завидовала Жене: ее целеустремленности, способности иметь свое мнение, не подстраиваться под других, спокойной и вместе с тем непоколебимой уверенности. И конечно же, ее красоте, хотя сама Люба была отнюдь не дурнушка.

Они с Женей дружили с первого курса и отлично смотрелись вместе — стройные, высокие, у обеих правильные черты лица и длинные волосы, только масть разная. Кавалеров у них было великое множество, — у Жени, впрочем, больше, чем у Любы, но она относилась к ним прохладно, охотней интересуясь лекциями и семинарами. А Люба быстро загоралась и так же быстро остывала, влюбляясь по три раза в год и столько же разочаровываясь в предмете своих воздыханий. Да, они разные, как говорится, «стихи и проза, лед и пламень», и все-таки всегда были вместе. Как и сейчас, встретившись по обыкновению на остановке у метро «Полежаевская», откуда до их института ходил трамвай.

Разговор, до этой минуты текший живо и непринужденно, сам собой иссяк. Обе девушки замолчали, думая каждая о своем. Женя — о том, что подруге легко рассуждать: в институт она по-

шла безо всякого интереса, просто потому, что так решил ее отец. Он же оплачивал Любе репетиторов, которые подтягивали ее перед сессиями, снабжал заграничными путевками и шикарными шмотками, и, без сомнения, он уже держал на примете подходящего кандидата на роль ее мужа.

Женя была напрочь лишена такого надежного тыла. Ее отец ушел из семьи, когда ей исполнилось тринадцать. Его уход был как гром среди ясного неба. Он молча собрал вещи, потом так же молча вышел в кухню, где, повалившись головой на стол, рыдала Женя, и осторожно обнял ее за плечи.

— Прости, дочка. — Голос его звучал глухо и простуженно.

Она дернулась, сбрасывая с себя его руку, и резко выпрямилась, отвернув к окну мокрое лицо.

— Прости, — повторил отец, помолчал немного, затем прибавил совсем тихо: — Я не перестану тебя любить. Просто буду жить в другом доме.

— Почему? — шепотом спросила Женя, прижимаясь лбом к холодному стеклу.

— Потому что... я не могу без нее. Без Инги. А она не может без меня. Так уж вышло, и ничего с этим не поделаешь, пичужка.

Она едва заметно кивнула и вытерла слезы, но заставить себя обернуться так и не смогла — продолжала сидеть спиной к отцу, до боли впившись пальцами в подоконник. Он постоял еще минуты три, а потом Женя услышала тихий скрип половиц. Хлопнула дверь.

Она не могла простить его почти два года. Если он звонил, бросала трубку, приходил — запиралась у себя в комнате, врубая на полную мощь стереоколонки. Мать постепенно смирилась и перестала страдать, а Женя — нет. Стоило кому-то из родственников или друзей упомянуть об отце, она превращалась в дикую кошку. Ей казалось, она его ненавидит.

Потом, годам к пятнадцати, ее сердце смягчилось. Пришла первая любовь, а вместе с ней понимание того, что произошло с отцом. Женя уже не бежала от телефона, а по воскресеньям

отец забирал ее к себе на весь день. Она познакомилась с его Ингой — та действительно была красавица из красавиц, в такую кто угодно влюбится до безумия. Да к тому же моложе отца на целых пятнадцать лет.

Они с Женей даже подружились: обсуждали шмотки, косметику, модные диски. Инга научила ее грамотно краситься, готовить настоящий итальянский «капучино» и ухаживать за волосами, чтобы они всегда выглядели потрясающе. В общем, все шло совсем неплохо.

Как-то осенью отец позвонил и сказал, что достал билеты в Большой, на «Аиду». Это была любимая Женина опера. Ей хотелось хлопнуть в ладоши от радости, но вместо этого она сдержанно поблагодарила отца и ревниво поинтересовалась:

— Мы вместе с Ингой пойдем?

Тот усмехнулся.

— Нет, вдвоем.

— Только вдвоем? Не может быть! Папа, ты супер!

Отец снова усмехнулся, как показалось Жене, с грустью.

Она готовилась загодя. Продумала наряд, купила новую помаду, дорогие колготки. На всякий случай перечитала либретто оперы, хотя знала его наизусть. Вечером накануне спектакля позвонила Инга.

— Жень, отец не сможет пойти с тобой. Придется мне. Не возражаешь? — Она старалась говорить бодро, но голос предательски звенел.

Женя почувствовала неладное. Во рту у нее пересохло, руки мигом оледенели.

— Что случилось?

— Ничего страшного. Ты только не волнуйся. Просто аппендицит. Обыкновенный приступ, с кем не бывает. Вот только, жаль, некстати. — Инга нервически хихикнула.

— Где он? — запинаясь, спросила Женя.

— В больнице. Час назад его прооперировали.

— Я поеду к нему.

— Нельзя. Сейчас пока нельзя. Он в реанимации. Что-то неладное с кровью. Врачи говорят, это пустяки. Так бывает. И очень часто. — Инга говорила быстро, почти тараторила, словно хотела убедить саму себя в том, что ничего дурного не происходит, все в полном порядке. От ее сбивчивой скороговорки отчетливо веяло ужасом.

— Ты из дому звонишь? — спросила Женя.

— Нет. Из приемного.

— Я все-таки приеду. Скажи адрес.

Инга послушно назвала станцию метро и улицу. Она быстро записала, повесила трубку, обернулась и вздрогнула: рядом стояла мать.

— Поехали вместе. Я знаю, где это.

Они ничего больше не сказали друг другу. В полной тишине оделись, заперли пустую квартиру. Потом так же молча ехали через весь город. Женя искоса смотрела на мать, силясь уловить в ее лице следы тревоги, но та выглядела спокойной. И Женя тоже успокоилась, решив, что Инга по молодости и неопытности густила краски.

Отца она больше не увидела. Он умер в тот же вечер — после операции образовался тромб, закупоривший сосуд. До самой смерти он находился в сознании, но к нему никого не пустили: ни Женю, ни ее мать, ни рыдающую, обезумевшую от горя Ингу.

После его смерти Женя мучительно вспоминала их последний разговор по телефону. Свой глупый и жестокий вопрос по поводу Инги. Горечь в отцовской усмешке. Она должна была успеть сказать, что простила его. Должна была успеть! Но не успела. Вместо этого продемонстрировала в очередной раз, что по-прежнему ревнует его и злится...

...Женя прервала поток грустных воспоминаний и глянула в окно: они почти приехали, их остановка была следующей. Она потормошила разомлевшую от духоты, сонную Любу.

— Хватит мечтать. Пора пробираться к выходу.

Та кивнула и двинулась вперед.

Вагон плавно затормозил, девушки сошли на тротуар, с облегчением вдыхая свежий воздух.

— Сколько времени? — спросила Люба, доставая из сумочки пудреницу.

— Половина одиннадцатого.

— Наши небось уже все в сборе. Сейчас глянем, к кому нас распределили на преддипломную, и поедем тусить.

Списки с распределением на практику должны были вывесить еще вчера, и Женю очень занимал вопрос, к кому она попала. Хорошо бы — к Носову или Григорянцу. Оба считаются отличными преподавателями. Григорянц, правда, совсем молодой, но тем не менее очень перспективный. По прикладной математике Женя одна из самых сильных в группе, по идее, он должен быть не против курировать ее. А Любку наверняка запихнут к Перегудовой — ей вечно сваливают двоечников, благо она все равно две недели из четырех ежемесячно проводит на больничном.

Размышляя подобным образом, Женя вошла вслед за подругой в институтский дворик. Неподалеку от крыльца курила компания парней. Один из них, долговязый и лохматый очкарик, приветственно помахал им рукой.

— Ну, наконец-то! Что так долго? Мы вас заждались.

— Трамвая не было, — весело объяснила Люба, подходя ближе. — Здорово, Костик!

Она и лохматый расцеловались в щечки. Затем Люба чмокнула поочередно всех остальных парней. Долговязый Костик горячо обнял Женю.

— Выглядите блестяще. Хоть сейчас на подиум. Как отдыхалось?

— Хорошо. — Женя сдержанно улыбнулась. — Вы списки видели?

— Да. Я у Носова. Пашок с Гогой у Григорянца. Любашка и Соня у Перегудовой.

— Так я и знала! — недовольно протянула Люба. — Как всегда, подфартило.

— Да ладно тебе, — утешил ее румяный, светловолосый толстяк. — Перегудова совсем неплохая тетка и работой перегружать не будет. Моя сеструха у нее курсовую писала, осталась довольна. Правда, она на девятом месяце была. — Толстяк захохотал, довольный своей остротой, и облапил Любу пониже талии. Та добродушно усмехнулась и скинула его руку.

— Заткнись, Вовик, а то в лоб дам.

— А я у кого, не видел? — спросила у Костика Женя.

Тот пожал плечами.

— Точно не у Носова. У него всего трое — кроме меня еще Никита и Галка Соболева.

— Может, у Григорянца?

— Не помню. Чем гадать, сбегай да посмотри. Потом возвращайтесь, сходим в кафешку.

— Правда, пошли. — Люба, которой надоело отбиваться от липнувшего к ней Вовика, ухватила Женю под локоть и потащила к лестнице.

Девушки поднялись на третий этаж, где находился деканат. На щитке висели отпечатанные на компьютере листки с фамилиями.

— Ну вот, гляди. — Люба принялась водить пальцем по строчкам. — Паршин, Непомнящий, Кудинов — у Чибисова. Шаратов, Соболева, Романов — у Носова... Анисимова, Чакина, я то есть, — у Перегудовой. Литовченко, Мирзоев — у Григорянца. — Она дошла до конца страницы. — Здесь тебя нет. Посмотрим дальше.

Женя внимательно изучала оставшиеся листки. Перед ее глазами одна за другой мелькали знакомые фамилии, однако отыскать среди них свою ей никак не удавалось. Она прочла списки до конца.

— Странно. Меня здесь нет.

— Может, проглядели? — предположила Люба. — Давай по новой.

— Давай, — согласилась Женя.

Они просмотрели списки еще раз, для верности проговаривая фамилии вслух. Результат оказался тот же.

— Не нравится мне это, — задумчиво проговорила Женя.

— Не пори горячку, — успокоила ее Люба. — Зайди к декану и спроси, где они тебя потеряли. Наверняка ты тоже у Григорянца — тебе ведь этого хочется?

Женя промолчала и решительно толкнула тяжелую дверь. Декана на месте не оказалось, зато в кабинете была замдекана Мурашова, симпатичная и довольно молодая женщина, прозванная студентами Мурашкой.

— Здравствуйте, Наталья Леонидовна, — поздоровалась с ней Женя.

Мурашка приветливо улыбнулась.

— Здравствуйте, Зими́на. Выглядите отдохнувшей.

— Вы тоже.

Мурашка ничуть не обиделась на Женину фамильярность и, продолжая улыбаться, поинтересовалась:

— Вы что-то хотели?

— Да. Узнать, почему меня нет в списках.

— Как нет? — Тонкие брови Мурашовой удивленно взлетели.

— Так. Мы с Чакиной два раза просмотрели.

Мурашка на мгновение задумалась, кивнула и проговорила, обращаясь будто к себе самой:

— Ну да. Ясно. Яков Борисович просто решил не афишировать.

— Не афишировать — что? — Женя в недоумении уставилась на замдекана.

Лицо той сделалось серьезным.

— Видите ли, Зими́на, в чем дело. Вы ведь знаете, что ваши прошлогодние курсовые подписывал профессор Столбовой?

— Да, знаю. Но какое это имеет отношение?

— Сейчас поймете. — Мурашова подошла поближе к Жене и остановилась, глядя на нее в упор. — Столбовой заинтересовался вашей работой. Весьма заинтересовался! Он назвал ее лучшей

на всем потоке. И это еще не все. Он выразил желание лично руководить вашей преддипломной практикой, а впоследствии и дипломом.

Женя слушала Мурашку затаив дыхание. Она не могла поверить, что все происходит в реальности, а не во сне. Ее курсовой заинтересовался сам Столбовой! Маститый профессор, автор множества научных книг и методик, широко известный за границей, много лет преподающий в университете и два года назад параллельно с этим возглавивший кафедру прикладной математики у них в институте! Он предлагает руководство дипломом! Ей, ничем не примечательной студентке, девчонке! Да быть этого не может!

Мурашка молчала, наслаждаясь произведенным впечатлением. Жене наконец удалось овладеть собой.

— Вы шутите, — проговорила она, сверля замдекана пристальным взглядом.

— Нисколько. Завтра в двенадцать вам нужно быть на кафедре. Столбовой будет вас ждать. Честь высокая, но нужно оправдать ее. Так что старайтесь, Зимица. Вы ведь девушка серьезная.

— Да, да, конечно, — пробормотала Женя, чувствуя, как лицо и шею заливают жар, — я буду стараться. Спасибо. — Она резко развернулась и почти вылетела из кабинета.

— Ну что, узнала? — тут же набросилась на нее Люба, ждавшая за дверью. — Да что с тобой! Ты вся красная как рак.

— Угадай, к кому меня распределили! — потребовала Женя, скрестив на груди руки.

— Неужели к Перегудовой? — изумилась Люба.

— К Столбовому!

— Чего ты мелешь! Столбовой не ведет дипломников.

— Теперь ведет. Завтра я должна быть у него на кафедре.

— Мама мия! — Люба всплеснула руками. — Что творится! Бедная твоя головушка! Мы ж тебя теперь не увидим.

— Почему это? — удивленно проговорила Женя.

— Да он тебя загрузит так, что мало не покажется. Он же маньяк, этот Столбовой, как все говорят. Сам работает сутками напролет — и от других того же хочет.

— Я согласна работать сколько угодно, — решительно отрезала Женя. — Такой шанс представляется раз в жизни. Будь уверена, я его не упущу!

— Конечно, не упустишь. — Люба вздохнула и покачала головой. — Эх, Женька, Женька, тебе бы парнем родиться. Замечательный вышел бы карьерист. А так жалко — красота без дела пропадает. Ты в кафе-то пойдешь или сразу домой помчишься — к завтрашнему дню готовиться? — Она с надеждой глянула на подругу.

— Пойду, пойду, успокойся, — смягчилась Женя и тут же предупредила: — Но только учти, ненадолго. Дел полно.

2

Назавтра без четверти двенадцать она уже стояла возле кафедры прикладной математики. Настроение у Жени было приподнятым, если не считать овладевшего ею легкого волнения. Она дождалась, пока стрелки на часах сойдутся на верхней отметке, и, предварительно постучав, осторожно приоткрыла дверь.

Столбовой был на месте. Он сидел за столом в полном одиночестве и сосредоточенно проглядывал лежащие перед ним записи, делая на полях пометки карандашом.

— Здравствуйте, — негромко, но внятно проговорила Женя.

Столбовой, не глядя на нее, кивнул, продолжая свое занятие.

Она, стараясь двигаться бесшумно, пересекла комнату и уселась на стул, стоящий у стены. Оттуда ей хорошо было видно лицо профессора, склоненное над бумагами. До этого Женя видела Столбового лишь мельком — и теперь с любопытством изучала его облик.

Она не могла не признать, что он красив, а в молодости, пожалуй, и вовсе был покорителем женских сердец: безупречно прямая, благородная осанка, седые, но замечательно густые и элегантно подстриженные волосы, ясные черты лица. Крепкий подбородок и тонкие губы выдавали упорный и твердый нрав. Одет Столбовой был вполне демократично — в темно-синий пуловер и легкие шерстяные брюки в тон. Треугольный вырез украшал жемчужно-серый галстук.

Жене пришлось подождать минут десять, пока профессор завершит чтение и посмотрит на нее. Взгляд у него был необыкновенно глубоким и пристальным, он окутал Женю с головы до ног, буквально вобрал в себя, подчиняя особой ауре. Она почувствовала себя точно под гипнозом, не в силах оторваться от светлых и пронзительных глаз Столбового.

— Простите, — произнес тот низким, звучным голосом, — запомнил, кто вы у меня?

— Зими́на, из второй группы. Вы назначили мне прийти к двенадцати. — Женя удивилась тому, что может говорить так легко и свободно: внутри у нее все дрожало от волнения.

— А, да да. Зими́на. Вспомнил. — Столбовой улыбнулся и скрестил перед собой длинные, холеные пальцы. — Как вас зовут?

— Евгения.

— Женечка. — Взгляд профессора потеплел. — Славное имя. Вы не против, если я так и буду вас называть — по-свойски, на правах старика?

— Какой же вы старик? — Женя позволила себе слегка стрельнуть глазами на Столбового, совсем капельку, чуть-чуть, в пределах допустимой нормы. Он тут же отреагировал на ее кокетство и заулыбался, вольготно откинувшись на спинку кресла.

— Не нужно лести, милая Женечка. Для вас я, безусловно, старик. У меня внучка ваша ровесница. Но все равно, мне приятен этот комплимент. А теперь оставим любезности и поговорим о деле. — Его лицо в мгновение ока стало серьезным и сосредото-

точным, каким было несколько минут назад. — Знаете ли вы, что ваша курсовая произвела на меня огромное впечатление? Это не просто работа, а научный труд! Да, да, зря улыбаетесь: научный труд зрелого и чрезвычайно целеустремленного человека. Превыше всего я ценю в людях именно эти качества — серьезность и целеустремленность. Судя по тому, что я имел честь изучить, вы ими обладаете. Стало быть, мы с вами сварим кашу. Надеюсь, у вас уже есть задумки и наработки для будущего диплома?

Женя поспешно кивнула.

— Есть.

— Славно. Это означает, что летом вы не только отдыхали на югах, но и работали головой, хотя загар у вас великолепный, ничего не скажешь. — Столбовой снова улыбнулся, но уже по-другому, сдержанно и корректно, и наклонился к Жене. — Запиши у вас с собой?

— Конечно. — Она поспешно достала из рюкзака кипу толстых тетрадей и разложила на столе.

— Так, — протянул Столбовой в задумчивости, открывая одну из них, — сейчас посмотрим. — Он замолчал и углубился в изучение каллиграфического Жениного почерка.

Она стояла рядом, затаив дыхание и чувствуя, что в эти минуты решается ее судьба. Столбовой пролистывал страницу за страницей, иногда его взгляд цеплялся за тот или иной абзац, он задерживался на несколько секунд, а затем методично продолжал чтение. Наконец он дошел до конца тетради, поднял голову и глянул на Женю.

— Как называлась ваша курсовая?

— Экономико-математическое моделирование выброса вредных веществ на примере завода химических волокон.

— Да, верно. Вы хотели бы развить эту тему и дальше? Следать на ее базе диплом?

Женя пожала плечами.

— Возможно. А возможно, и нет. Я бы взялась и за что-то другое, если бы вы посоветовали.

Столбовой усмехнулся.

— Отчего ж не посоветовать, если я отныне ваш куратор? Видите ли, наша кафедра занимается математическим моделированием оценки техногенных рисков в крупных промышленных центрах. Поэтому выбранная вами тема не противоречит общему направлению. Более того, она весьма объемная, и работы тут непочтатый край. Но лично я сторонник новизны. Идите дальше, попробуйте обдумать, например, следующее: «Обоснование и использование линейного программирования при оценке рисков технических катастроф». Как вам такая тема? Впоследствии из нее может выйти неплохая диссертация.

— Интересно, — проговорила Женя. — Но, честно сказать, то, над чем я работала летом, имеет к этому мало отношения.

— Я бы даже сказал, никакого, — засмеялся Столбовой. — Но ничего страшного. Сходите в библиотеку, почитайте Дуброва «Моделирование рискованных ситуаций в экономике и бизнесе», Курицкого «Поиск оптимальных решений». Можете еще взять американскую монографию профессора Принстонского университета Вандерхуэлла. Пару дней, я думаю, вам хватит, чтобы бегло ознакомиться с литературой. Кое-какие материалы есть и в Интернете, так что придется засесть за компьютер. А к этому, — Столбовой похлопал по стопке тетрадок, — мы всегда сможем вернуться. Поняли?

— Да.

— Ну вот так. Жду вас, милая Женечка, в среду в это же время. Подготовьтесь как следует, мы сразу же начнем работать. Рад был знакомству.

— Я тоже. Большое спасибо. — Женя сложила тетради и покинула кабинет.

Впечатления у нее были двойственные. С одной стороны, Столбовой покорила ее, с другой — несколько озадачил, если не сказать — испугал. Видимо, правду про него говорят, что он фанатик от науки и его требования к студентам безумно завышены. Два дня на такую гору нового материала — это совер-

шенно нереально. Хотя... как сказать. Если сконцентрироваться, возможно, все получится. Во всяком случае, игра стоит свеч: она не далее как вчера призналась Любе, что мечтает о диссертации — и вот, ее мечта начинает осуществляться.

Едва Женя вспомнила о подруге, как тотчас увидела ее саму, бодро поднимающуюся по ступенькам.

— Приветик, — весело поздоровалась та, — ну что, пообщалась со своим профессором?

— Пообщалась.

— И как? Вид у тебя не очень.

— Да нет, все просто замечательно. — Женя улыбнулась. — Столбовой — мировой дядька. И умница, и красавец.

— Правда? — Люба многозначительно усмехнулась. — Смoтри, не втoрься в него.

— Нет, для этого он все-таки слишком стар. Но вообще, был бы Столбовой моложе лет на тридцать, я бы с удовольствием приняла его ухаживания.

— А сколько ему? — поинтересовалась Люба.

— Не знаю точно. Что-то около шестидесяти. У него уже внуки взрослые.

— Ну и бог с ним, — махнула рукой Люба. — Слушай, я сейчас к Перегудовой. Думаю, через час уже освобожусь. Подожди меня, и махнем по магазинам. Сейчас повсюду распродажи, скидки до семидесяти процентов.

— Да ты что? — Женя решительно помотала головой. — Я прямехонько в библиотеку. Мне нужно Курицкого читать. И монографию американского профессора.

Люба закатила глаза.

— Обалдела? Еще только второе сентября. Что ж ты весь год делать будешь?

— То же самое: ходить в библиотеку и сидеть за компом. Так что гуд бай!

Люба безнадежно посмотрела на Женю.

— Гуд бай. Так я и знала, что Столбовой запряжет тебя как сивку-бурку. Ты хоть звони, когда выдастся свободная минутка. И не забудь — в следующее воскресенье у Ленчика день рождения. Он, как всегда, позвал нас к себе на дачу, на шашлыки.

— Насчет шашлыков не уверена, но позвоню обязательно. Пока. — Женя чмокнула Любу в щеку и стала спускаться по ступенькам.

3

Домой она попала лишь в семь вечера. Пять часов, проведенные в библиотеке, давали о себе знать — голова гудела, в глазах рябило. Однако Женя заметно приободрилась: чтение открыло ей кучу интересного, она получила представление о теме, которую дал ей Столбовой, и она начала ей нравиться.

Мать уже вернулась с работы и вышла ей навстречу в прихожую, а вместе с ней и пушистый сибирский кот Ксенофонт, любимец маленького семейства Зиминых.

— Женюша, наконец-то. — Ольга Арнольдовна смотрела на дочь с тревогой. — Я уже волноваться начала. Ты бы хоть позвонила.

— Мобильник разрядился, — объяснила Женя, снимая с плеч рюкзачок. — Мам, что у нас на ужин?

— Рыба жареная с картошкой. Ксенофонт уже отведал. — Мать улыбнулась и обняла ее. — Господи, да ты на ногах не стоишь от усталости! Пойдем, все горячее. Я уже дважды разогревала, а тебя все нет и нет.

— Я в библиотеке сидела, — извиняющимся тоном проговорила Женя, послушно следуя за матерью на кухню.

Оттуда доносился упоительный запах жареной горбуши, Ксенофонт, подняв хвост трубой, путался у Жени в ногах. Мать усидила ее за стол, поставила тарелку с едой, налила чаю и устроилась напротив на табурете.

— Ешь. И рассказывай, как прошло собеседование.

— Все отлично, — с набитым ртом произнесла Женя, — Столбовой мне понравился. Кажется, и я ему. Уже дал тему для диплома.

Мать слушала и удовлетворенно кивала.

— Как его зовут-то, профессора твоего? А то ты все по фамилии, даже неловко.

— Николай Николаевич. Mam, ты бы видела, с какой скоростью он считает! Как компьютер!

— Ты ешь, ешь, не отвлекайся. Положить тебе добавки?

— Нет, спасибо, а то я поправлюсь. — Женя отодвинула пустую тарелку и блаженно откинулась на спинку кухонного уголка. — Уф! Сейчас выпью чаю, посижу десять минут — и залезу в Интернет.

— Не много ли для одного дня? — обеспокоилась мать. — Нужно ведь когда-то и отдыхать.

— Нет, в самый раз, — успокоила ее Женя. — Мне через два дня надо уже полностью во все въехать.

— Въедешь. — Ольга Арнольдовна ласково потрепала дочь по волосам. — Ты же у меня редкостная умница. И характер у тебя отцовский: пока своего не добьешься, не утомнишься.

— Верно. — Женя рассеянно улыбнулась.

Мысли ее уже блуждали далеко, она старалась осмыслить книгу Курицкого и предвкушала, как удивит Столбового своей подкованностью и осведомленностью. Мать, заметив это, отстала от нее с разговорами, вымыла посуду, взяла на руки Ксенофонта и ушла к себе смотреть сериал.

Женя напилась чаю, дождалась, пока ноющую спину хоть немного отпустит, и тоже скрылась в своей комнатенке. Там она села за компьютерный стол, вытащила из ящика чистый лист бумаги, взяла ручку.

Для начала Женя решила составить распорядок на неделю. Семь ноль-ноль — подъем. Пятнадцать минут интенсивная зарядка для поднятия тонуса. Затем двадцать минут водные процедуры.

Потом завтрак. Два раза в неделю занятия на кафедре со Столбовым. Еще два раза — английские курсы, без них не обойтись, если изучать американскую монографию. Остальные дни — библиотека. Затем — в два обед и снова занятия, на сей раз за компьютером. В десять — ужин, в половине двенадцатого — сон.

Женя закончила писать и пробежала глазами листок. Да, Любка права: времени на отдых не остается. Ну и черт с ним! Отдыхать и развлекаться она будет потом, когда добьется поставленной цели: ее оставят на кафедре и дадут возможность заниматься любимым делом. А сейчас нужно пахать как проклятой. Пусть Любка бегает по тусовкам, ездит на шашлыки, влюбляется и страдает — она прекрасно обойдется без всего этого.

Женя вздохнула, вынула из маленькой коробочки пару кнопок и приколотла листок на видное место над столом. Затем она решительно нажала на кнопку и включила компьютер.

4

Три недели она держалась со стойкостью оловянного солдатика: строго следовала своему расписанию, не отступая от него ни на йоту. Столбовой был доволен — за это время она полностью проштудировала Курицкого, одолела больше половины труда американца и начала «Моделирование рискованных ситуаций» Дуброва. Кроме того, Женя отыскала в Интернете несколько интересных статей. Две из них были на немецком языке — его она изучала в школе и могла худо-бедно читать со словарем.

Ложиться в половине двенадцатого, конечно, не получалось. Столбовой работал взахлеб, не давая отдыха ни себе, ни Жене и заряжая ее своей энергией. Она почти ежедневно засиживалась до двух часов ночи, а иногда и до половины третьего, но вставала неизменно в семь.

К концу третьей недели ее постепенно охватила апатия. Женя почувствовала, что переоценила свои силы. Ей постоянно хоте-

лось спать, но в то же время она не могла уснуть. Стоило ей лечь и закрыть глаза, в голове начинал роиться ворох мыслей, мелькали отрывки из прочитанного, формулы и уравнения.

Ольга Арнольдовна, поначалу старавшаяся не тревожить дочь и дать ей возможность распорядиться временем так, как она считает нужным, не на шутку разволновалась.

— Женечка, так нельзя, дорогая, — говорила она, пытаясь прекратить ночные бдения за книгами и компьютером. — Посмотри, на тебе лица нет. И похудела ты ужасно, за три недели добрых три кило скинула.

— Ну и хорошо. — Женя упрямо мотала головой. — Любка завидовать будет. У нее худеть не получается.

— Что ж хорошего? Так и до переутомления недалеко. Ты б сходила куда-нибудь, развеялась, а то сидишь сутки напролет в четырех стенах.

— Некогда, мам.

— Неправда! Я сама училась в институте и писала диплом. И на все у меня хватало времени. Николай Николаевич — замечательный преподаватель, но он наверняка не подозревает, как ты себя истязает.

— Он и сам себя истязает так же.

— Ему можно. Он мужчина, к тому же в возрасте. А тебе еще детей рожать.

— Ой, мам, отстань со своими детьми! Мне до этого еще очень далеко. — Женя закрывала ладонями уши, давая понять, что спор окончен.

Ольга Арнольдовна сдавалась и уходила. Женя чувствовала, что мать права, однако остановиться не могла.

В последнее воскресенье сентября они наконец поругались по-крупному. Были именины Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Ольга Арнольдовна собиралась в гости к своей сестре Наде и звала с собой Женю. Та наотрез отказывалась ехать. Слово за слово разговор перешел на повышенные тона, и вдруг,

в самый кульминационный момент раздался звонок в дверь. От неожиданности обе — и мать, и дочь — вздрогнули.

— Кто это? — спросила Женья.

— Мне откуда знать? Наверное, соседи — ты слишком громко кричишь!

— Ничего подобного. Это ты кричишь. — Она решительно встала со стула и направилась в прихожую, мать — за ней.

За дверью на площадке стояла Люба, румяная, нарядная, в коротком белоснежном плаще и изящных сапожках. В руках у нее был огромный торт в прозрачной упаковке.

— Если гора не идет к Магомету, значит, Магомет мало заплатил горе. — Люба звонко расхохоталась и, потеснив Женю, зашла в квартиру. — А если честно, то совести у тебя нет, Зими-на! Обещала звонить, и ни ответа, ни привета. Между прочим, сегодня мои именины, забыла?

— Ой! — Женья смущенно качнула головой.

— Вот и я о том же! Ладно, я знала, что тебя в гости не дождешься, и сама пришла, с доставкой на дом. Вот, тортик принесла, идемте чай пить.

— Конечно, Любаша, идем, — засуетилась Ольга Арнольдов-на. — С днем ангела тебя! Хорошо, что приехала, а то с этой Же-ней просто беда. Совсем свихнулась на почве учебы, может, хоть ты на нее повлияешь, а, Любушка?

— Женюра у нас не поддается влиянию, — засмеялась та. — Ведет себя хуже некуда: друзей забросила, в кино с нами не ходит, день рождения Ленчика пропустила! Куда это годится? Я вот со своей Катериной Ивановной все прекрасно успеваю. — Люба сунула ей в руки коробку с тортом. — Иди нарежь, горе мое! И не вздумай улизнуть за свой компьютер, обижусь на всю оставшуюся жизнь!

— Не улизну, — пообещала Женья.

В глубине души она была рада Любиному визиту, надеясь, что подруга поможет ей хоть на время расслабиться и отвлечься от дел.

За чаем мать и Люба принялись прорабатывать ее на пару. Они наседали, и та не выдержала: к горлу ее подкатил комок, глаза защипало. Женя уронила голову на руки и разрыдалась.

— Да ты что? — испугалась Люба. — Женюточка! Прости, солнце мое, я тебя вовсе не хотела расстраивать.

— Я... я... — Она всхлипывала, не в состоянии произнести что-нибудь членораздельное, глядя на Любу и мать полными слез глазами.

— Она устала, — со вздохом проговорила Ольга Арнольдovна. — Это самый настоящий стресс. От него до депрессии один шаг.

— Так надо же что-то делать! — воскликнула Люба. — Хотите, я поговорю со Столбовым, чтобы он снял часть нагрузки?

— Н-не надо, — с трудом выговорила Женя, вытирая слезы, — дело не в нагрузке.

— А в чем тогда?

— В том, что я не могу переключиться. Даже если пойду в кино или еще куда-нибудь, все равно буду думать об этом дурацком линейном программировании.

Мать и Люба переглянулись.

— Н-да, — протянула подруга негромко, — это называется «ку-ку». — Она замолчала, сосредоточенно кроша ложечкой остаток торта на блюде.

Женя тихо всхлипывала, почесывая за ухом Ксенофонта, который, вспрыгнув к ней на колени, громко и блаженно урчал.

— Может быть... — робко начала Ольга Арнольдovна, но Люба внезапно перебила ее:

— Я знаю, что делать! Женька, тебе нужно занять хобби. В сфере искусства.

— Какое еще хобби? — не поняла Женя.

— Ну, например, у тебя же есть слух. Когда Костик воет свои песни под гитару, ты всегда подпеваешь.

— При чем здесь Костик и его гитара?

— Правда, Любушка, при чем? — удивилась Ольга Арнольдовна.

— А вот при чем. Помнишь, я тебе говорила, что хожу на хор? Уже второй год. Называется «Орфей», он любительский. Поет молодежь, все только по собственному желанию — и совершенно бесплатно, что немаловажно!

— Господи, Любаша, и когда ты все успеваешь? — Ольга Арнольдовна всплеснула руками, глядя на гостью с восхищением.

Та оставила ее комплимент без внимания и продолжала:

— Тебе надо сходить к нам.

— На хор?!

— Да, на хор. Вторник и пятница вечером у тебя свободны?

Женя задумалась. По вторникам и пятницам Столбовой работал в университете, и эти дни она целиком проводила в библиотеке.

— Раз молчишь, значит, ничего конкретного на это время у тебя не намечено, — тут же перешла в наступление Люба. — Да и что тут сомневаться, это почти рядом, от вас полчаса езды на автобусе. Репетиции с семи до девяти. В десять уже будешь сидеть за своим компьютером. А какую музыку мы там поем! И Чайковский, и Глинка, и русские народные песни. Сразу все термины из башки вылетят. И дирижер отличный, Всеволод Михайлович Лось.

— Нет, это чушь какая-то, — попыталась возразить Женя, но Люба тут же состроила свирепую физиономию:

— Ах, чушь? А в Кашенко не хочешь? Там целое отделение таких, как ты! Послезавтра ровно в половине седьмого я за тобой захожу, и чтоб была готова как штык. Ясно?

— Женюточка, может, и верно — попробовать? — вмешалась мать. — Занятиям это несколько не повредит, а голос у тебя с детства хороший. И слух. Не зря же музыкальную школу окончила.

— Ну, я не знаю. — Женя беспомощно развела руками. — Вы обе ненормальные. Тут диплом, а вы мне какой-то хор подсовываете. Ну... — Она последний раз всхлипнула, судорожно

вдохнула и неожиданно улыбнулась: — Ну... я только попробую. Один-единственный раз. Уверена, мне не понравится.

— Тебе понравится, — тоном пророка изрекла Люба и потянулась за новым куском торта.

5

Идея показалась Жене бредовой, но другого выхода из создавшейся ситуации она не видела, потому решила рискнуть. В понедельник она выполнила максимальное количество работы, во вторник днем съездила на курсы и к шести была уже дома.

Интенсивные занятия, начавшиеся с первого сентября, настолько съедали все ее силы и время, что Женя почти отвыкла наряжаться и краситься, а потому простой вопрос, в чем пойти на хор, привел ее в замешательство. Она распахнула шкаф и застыла перед полками в глубоком раздумье.

Выбрать вот эти симпатичные клетчатые бриджи и к ним обтягивающий трикотажный джемперок? Или предпочесть длинную узкую юбку с пикантным разрезом — она будет замечательно смотреться с замшевой жакеткой и осенними полуботинками на шпильке. А может, не выпендриваться и влезть в любимые джинсы, сверху натянуть простую водолазку, украсить ее кулончиком из «тигрового глаза» и чувствовать себя вольготно и уютно?

Женя так и поступила. Джинсы сидели, как влитые, водолазка цвета морской волны выгодно подчеркивала загар, еще не успевший сойти с ее лица. Она слегка подвела глаза, мазнула тушью и без того длинные, пушистые ресницы, тронула губы блеском. Затем расчесала волосы, роскошной черной волной спускавшиеся до середины спины, и придиричиво глянула на себя в зеркало. Собственный вид ее вполне удовлетворил. Женя гордо распрямила плечи, и тут же на столе заверещал мобильник.

— Ты готова? — поинтересовалась Люба.

— Кажется.

— Тогда спускайся, я уже у подъезда.

— Ладно. — Женя отключила телефон, спрятала его в сумочку, поправила на груди кулон и вышла в прихожую. Там она сняла с вешалки ветровку и надела уличные туфли.

В дверях комнаты показалась мать.

— Вы поехали?

— Да. Люба ждет внизу. Вернусь часа через два.

— Да ты не торопись, — захлопотала Ольга Арнольдовна. — Пой в свое удовольствие. Музыка — великая вещь. Даже Шерлок Холмс в свободное от расследований время играл на скрипке.

— Муть все это. — Женя махнула рукой. — Ладно, пока. — Она поцеловала мать и вышла за порог.

На улице стояло бабье лето. Ярко светило солнце, легкий ветерок гнал по тротуару первые золотые листья. Люба, как всегда нарядная и веселая, бросала голубям кусочки обсыпанного маком бублика. Птицы хищно кидались на лакомство, отталкивая друг дружку.

При виде Жени Люба состроила недовольную физиономию.

— Тебе что, носить нечего?

— Почему нечего? — удивилась она. — Что плохого в джинсах?

— Ничего, если не считать того, что ты таскаешь их второй год.

— Но это же не дешевка, а фирменные. Они и стоили прилично, — попыталась оправдаться Женя.

— Да ну тебя. — Люба бросила на асфальт остатки бублика и крепко взяла подругу под руку. — Идем.

Ехать и впрямь оказалось недолго. Через четыре остановки девушки сошли и зашагали к видневшейся впереди высокой темно-зеленой огаде.

— Это бывший детсад, — на ходу объясняла Люба, — Всеволод Михалыч его отремонтировал на свои деньги, станки соорудил. Рояль откуда-то приволок списанный. Старенький,

но играет прилично. Теперь у нас здесь репетиционный зал. — В ее словах звучала гордость.

— И много народу в вашем хоре? — полюбопытствовала Женья.

— Человек тридцать. Состав все время меняется. Кто-то уходит, кто-то, наоборот, приходит. В основном — студенты, молодежь до двадцати семи. Я-то пою сравнительно недавно, а есть «старички» — те уже четвертый год, с момента образования.

— Неужели им всем нечем заняться? — Женья недоуменно пожала плечами.

Люба прыснула.

— Женюра, ты рассуждаешь, как человек, привыкший к тотальному планированию и целесообразности. Увы, не каждому даны твои способности переть вперед как танк. Людям необходимо что-то для души, а не только для холодного разума.

— Ладно, ты уж меня и расписала! — Женья усмехнулась. — Не думала бы я о душе, черта с два согласилась бы сейчас с тобой пойти.

Подруги миновали калитку и зашли в подъезд одноэтажного кирпичного здания. Уже от дверей слышны были бравурные звуки — кто-то играл на рояле. Люба и Женья разделись в гардеробе и, пройдя узким коридором, очутились в просторном репетиционном зале. Левая часть была пуста, правую занимали ряды новеньких станков. Точно посередине стоял огромный, черный, блестящий рояль.

«Ничего себе «списанный», — с невольным восхищением подумала Женья, глядя на его полированный, почти зеркальный бок.

За роялем, спиной к дверям, сидела полная, седоватая женщина в свободном сиреновом платье. Ее пухлые пальцы ловко и стремительно бегали по клавишам, она кивала в такт музыке. Рядом, склонившись к пюпитру, стоял высокий, сухопарый мужчина с кудрявыми рыжеватыми волосами и такой же бородой.

Это и был Всеволод Михайлович Лось, основатель любительского молодежного хора «Орфей», композитор и дирижер.

Кроме него и концертмейстера в зале находилось еще несколько хористов: два парня и три девушки. Они стояли тесной группкой у станков и о чем-то оживленно болтали.

Люба дождалась, пока пианистка закончит играть, и подвела Женю к бородачу.

— Здравствуйте, Всеволод Михалыч. Это моя подруга Женя. Она хочет ходить к нам на репетиции.

Лось окинул ее цепким взглядом и кивнул.

— Что ж, я рад. Вы любите петь?

— Вообще-то нет, — с улыбкой начала Женя, но Люба тут же перебила:

— Не слушайте ее! Она очень любит петь, и вообще, Женюра чрезвычайно одаренная девушка! Уже сейчас работает над темой для диссертации.

Женя ткнула подругу в бок кулаком.

— Замолчи сейчас же, что ты несешь! — Ей было ужасно неловко и стыдно. Вечно эта Любка ляпнет про нее какую-нибудь чепуху!

Дирижер и седовласая концертмейстерша переглянулись.

— Все ясно, — проговорил Лось с усмешкой. — Анна Анатольевна, сыграйте нам, пожалуйста, что-нибудь из распевов. Желательно попроще. Проверим ваши данные, — объяснил он смущенной Жене.

Толстуха ударила по клавишам, воспроизводя легкоузнаваемую мелодию.

— Можете спеть на слог «лё»? — спросил Лось.

— Могу, наверное.

— Будьте добры.

Она откашлялась и повторила то, что играла пианистка. Вышло вполне сносно. Бородач удовлетворенно кивнул.

— Дальше, пожалуйста.

Седоватая Анна Анатольевна послушно переместила пальцы вправо по клавиатуре и сыграла то же самое, но на полтона выше. Женя пропела мелодию снова. Так продолжалось до тех пор, пока она не почувствовала, что голос начинает ослабевать и давать петуха.

— У вас альт, — заключил Лось. — Не самый шикарней, но вполне приемлемый для нашего коллектива. И слух хороший. Вы ноты разбираете?

— Немного.

— Совсем великолепно. Любочка, вон там, в папке, партии. Дай Жене все, что мы сейчас проходим. А вы, Женя, сегодня просто постоите, понаблюдайте и послушайте. Не надо пугаться, если что-то не выйдет с первого раза, постепенно вы втянетесь в процесс. Вам понятно?

— Да. — Она кивнула.

Люба всучила ей целую кипу листков, испещренных нотными крючками и закорючками.

— Держи. Это «Аида» Верди, это Петров, это русские народные.

— Да я в жизни не спою, — ужаснулась Женя.

— Споешь. — Люба оттащила ее подальше от рояля.

В зале постепенно собирался народ. Вошел рослый, симпатичный и спортивный парень, заметил Любу с Женей и прямо с порога направился к ним.

— Здорово, Чакина! Кто это с тобой?

— Привет, Санек. Это Женюра, мы с ней вместе учимся.

— Красевников Александр. — Красавчик протянул широкую, крепкую ладонь. — Для друзей и близких — просто Саня.

— Женя, — представилась та, пожимая его руку.

Глаза парня игриво заблестели.

— Будем на «ты», ладно?

— Не возражаю.

— У тебя классная прическа. Обожаю, когда у девушек длинные волосы.

— Спасибо. — Женя окинула Саньку насмешливым взглядом. Она прекрасно знала цену своей внешности и какое впечатление производит на парней, давно привыкла к восторженным взглядам и комплиментам. Честно сказать, последние порядком надоели ей своей стандартностью и повторяемостью. И этот симпатяга Александр тоже лишен оригинальности — сплошные штампы, дежурные улыбочки, банальная стрельба глазами.

Санька, однако, нисколько не смутил ее скепсис. Он продолжал улыбаться во все тридцать два зуба, стараясь заглянуть ей в лицо.

— А тебе какие парни нравятся?

— Мне? — Женя слегка прищурилась и, покосившись на ухмыляющуюся Любу, произнесла веско и значительно: — Пожалуй, те, которые отличаются немногословностью.

Санек понял намек, но не обиделся.

— Ясно. Придется подрезать язык. Тогда есть шанс оказаться в числе твоих любимчиков.

Люба хмыкнула. Женя весело расхохоталась.

— К чему такая жестокость? Мне не нужны жертвы.

— Ребята, по местам! — скомандовал дирижер и звучно хлопнул в ладоши. — Начинаем репетицию.

— Так, — засуетилась Люба, — ты стоишь в альтах. Это там, справа. Иди давай.

— А ты?

— Я в сопрано. Санек за мной, он в тенорах. В перерыве увидимся. Ни пуха!

— К черту. — Женя на ходу кивнула Александру и поспешила туда, куда ей велела Люба.

Весь первый ряд занимали девушки, во втором стояли юноши, слева теноры, справа басы. Несколько человек с любопытством покосились на Женю, но тут Лось снова захлопал в ладоши и произнес:

— Поем гамму.

Концертмейстерша заиграла, хор звучно и мелодично затянул:

— До, ре, ми, фа...

Женя попробовала тихонько подпевать. Ее голос тут же слился с остальными, создавая приятное ощущение причастности к общей гармонии и красоте.

«...Си, ля, соль, фа, ми, ре, до...» Хор допел донизу и перешел в новую тональность.

— Сопрано, не халтурить! Альты, неплохо. Не забывайте про цепное дыхание. — Лось дирижировал, делая плавные пассы руками. — Вот так. Сейчас молодцы! Дальше.

Распевка закончилась. На смену ей пришла другая, затем третья.

— Очень хорошо. — Лось обернулся к пианистке: — Попробуем Верди.

Та кивнула, раскрыла ноты и с азартом забарабанила по клавишам. Хористы вступили дружно и громко, на мгновение оглушив Женю. Она напряженно всматривалась в ноты, стараясь поймать мелодию, но от волнения в глазах рябило, крючки и точки сливались в полную неразбериху. Женя опустила ноты и молча стала слушать хор.

Ей казалось, что ребята поют хорошо. Во всяком случае, никто не ошибался, все лихо шпарили на итальянском. Девушки справа и слева от нее ловко выводили звонкие рулады. «Неужели и я так смогу?» — мелькнуло у Жени в голове. Но Лось перестал дирижировать и замотал головой:

— Нет, нет! Так не пойдет! Басы, что вы там спели? Это же откровенная фальшь! Братцы, пора уже разбирать ноты, чай не первый день их видите!

По хору прошел легкий гул.

— Давайте еще раз. Соберитесь, будьте внимательны.

Анна Анатольевна снова сыграла вступление. На этот раз Жене показалось, что она слышит кое-какие огрехи в исполнении: в частности, басы за ее спиной, действительно, пели грязновато и вразнобой. Лось еще пару раз остановил хор, затем они все-таки дошли до конца.